

УДК 94(437.6); ББК 63.3(0=Словак)4; DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.102

Н. Малиновска

«REGNUM SCLAVORUM» СВЯТОПОЛКА КАК ИСТОЧНИК СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ КОНЦЕПЦИЙ «СКЛАВИНИИ»

Цель данной статьи заключается в том, чтобы обратить внимание на роль и значение исторической традиции о моравском правителе Святополке (871–894 гг.) в средневековой историографии славянских народов. Из-за своей многослойности, а также различий в интерпретации, проблематика данной исторической традиции долгое время являлась весьма дискуссионной, однако недавно была подробно рассмотрена в специально посвященной ей коллективной монографии¹. В настоящей статье мы сосредоточимся только на одном из ее многочисленных аспектов, а именно на отражении исторической памяти о «королевстве славян» (*regnum Sclavorum*) Святополка в средневековых славянских концепциях «Склавинии» или «Славянской страны».

Впервые термин «Склавиния» / «Склавинии» для обозначения населенных славянами областей появляется в византийских источниках в VII в.², и начиная

¹ Homza M.; et al. Svatopluk v europskom pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy. Bratislava, 2013.

² Первые Склавинии, упоминаемые в византийских источниках, располагались где-то в области исторической Дакии, то есть в юго-восточной части Карпатской котловины. Вероятно, в этом контексте следует интерпретировать и первую исторически отмеченную «Склавинию» Феофилакта Симокатты. См.: *Феофилакт Симокатта*. История / Под ред. С. А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995. С. 10–64. — Подробнее о «Склавиниях» в византийских источниках см.: *Литаврин Г. Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 193–203.

с этого времени мы регулярно встречаемся с этим или весьма похожим по смыслу понятием в исторических трудах самого разного происхождения³. В зависимости от места и времени составления источников, а также от идеологической и политической конъюнктуры, понятие «Склавиния», помимо своего основного смысла («страна славян»), приобретало дополнительные коннотации. В данной статье мы не будем разбирать все многообразные случаи использования понятия «Склавиния» и ему подобных в исторических источниках⁴, а сфокусируем внимание лишь на тех из них, которые исходят из собственно славянской традиции. При этом нас будет, главным образом, интересовать вопрос о том, каким образом и в какой степени эти славянские концепции «Склавинии» / «Славянской страны» соотносятся с великоморавским наследием.

Рассмотрение данного вопроса следует начать с древнейшего из дошедших до нас древнерусских летописных сводов — «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). Восстановление подлинной генеалогии этого наиболее значительного памятника древнерусской историографии является и по сей день чрезвычайно сложной задачей, полной вопросов, ответы на которые, предлагавшиеся в историографии, не всегда бывали убедительны. Согласно общепринятому мнению⁵, ПВЛ предшествовали более древние летописные своды. Около 1113 г. монах Киево-Печерского монастыря Нестор их переработал, дополнил и включил в свое собственное повествование, которое назвал ПВЛ. Есть все основания полагать, что именно в этот момент летопись обретает свое структурное и художественное единство⁶. А. А. Шахматов сформулировал гипотезу о так называемых «паннонских вставках» в тексте ПВЛ, предположительно происходящих из источника, который был создан, скорее всего, еще в великоморавский период или немного позднее в Паннонии. Спустя какое-то время этот великоморавский источник благодаря болгарскому посредничеству оказался на Руси, где некоторые его части были инкорпорированы в летописный свод. Эти хронологически древнейшие отрывки в ПВЛ А. А. Шахматов объединил под названием «Сказание о преложении книг на славянский язык» (далее — Сказание). Последующие исследования показали, что в тексте Сказания можно выявить еще несколько слоев, древнейший из которых, по всей вероятности, принадлежит к великоморавской традиции начала X в. Части из

³ Таковы лат. *Scлавania*, *Scлавonia*, *Slavia*, др.-англ. *Weonodland*, араб. *bilād as-Saqāliba*, др.-рус. *Словѣньска земля*.

⁴ См. об этом: *Verešová (Malinová) N.* 1) *Vývoj chápania geografického termínu Sklavínia v historických prameňoch 6.–14. storočia* // *HZ*. 2008. Č. 1. S. 124–143; 2) *Geographical concepts of Scлавinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic traditions* // *Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780)* / Ed. by M. Homza, J. Lukačka, N. Budak, V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. Bratislava; Zagreb, 2013. P. 60–65.

⁵ Детальная научная концепция о происхождении, структуре и источниках ПВЛ, включая реконструкцию основных этапов ее составления, была разработана в начале прошлого века А. А. Шахматовым и стала практически общепринятой. См.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

⁶ *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 1. С. 309–328. — Из новых работ см.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 85–111.

этого древнейшего слоя известны в историографии под условным названием «Сказание о поселении славян на Дунае и нашествии угров»⁷.

Следуя вышеописанной исторической логике, можно сделать вывод, что именно древнерусская летописная традиция сохранила древнейшее славянское свидетельство об изначальной территории распространения славянского самосознания, находившейся на Дунае. ПВЛ, которая стала эталоном всей древнерусской летописной традиции и основным источником, повествующим о начальных этапах истории Древнерусского государства и его места в мире, таким образом, становилась бы и первым источником славянского происхождения, содержащим архетипическую славянскую традицию о происхождении славян.

Фрагменты, в которых отражается великоморавское (моравско-паннонское) влияние, обнаруживаются в нескольких местах летописи⁸. В самом начале, в соответствии с классическим способом составления средневековых хроник, повествование открывается рассказом о разделении мира между тремя сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом. Славяне, которые, по словам летописца, принадлежали к потомкам Иафета, лаконично отождествляются с нориками, то есть жителями римской провинции Норик⁹. Эта почти незаметная вставка несет в себе важное содержание. Главной ее целью было соединить в самом начале летописи славян с дунайским пространством, частью которого был Норик. Одновременно славяне получали статус древних жителей европейской части римского мира, и их история автоматически инкорпорировалась в глубину *historiae mundi*.

Привязка славян к региону Подунавья обнаруживается и в целом ряде других мест ПВЛ. Летописец (или, точнее, неизвестный автор инкорпорированного в ПВЛ Сказания) уже не скрыто, а эксплицитно заявляет, что после того, как Бог разделит человечество на семьдесят два языка, «сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская»¹⁰. Таким образом, можно заключить, что летописная

⁷ Подробнее см.: *Шахматов А. А.* 1) Сказание о предложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. С. 172–188; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002. С. XXI–XXIII; 3) История русского летописания. Т. 1. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 517–518. — См. также: *Avenarius A.* Začiatky Slovanov na strednom Dunaji: Autochtonistická teória vo svetle súčasného bádania // НС. 1992. Roč. 40. Č. 1. S. 1–15; *Майоров А. В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 25–26; *Verešová N.* Povest' vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli // Historia Nova. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. Bratislava, 2011. S. 12–13.

⁸ В данном случае не так важно, говорим ли мы о великоморавской или о моравско-паннонской традиции, так как обе восходят к одному и тому же источнику — кирилло-мелодиевской концепции религиозного, языкового и культурного единства славянского мира. Подробнее об формировании этой концепции см.: *Dvornik F.* The significance of the missions of Cyril and Methodius // Slavic Review. 1969. Vol. 23. P. 195–211; *Hurbanič M.* The Byzantine missionary concept and its revitalisation in the 9th century // Byzantinoslavica. 2005. Vol. 63. No. 1. P. 103–116.

⁹ «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб., 2007 (далее — ПВЛ). С. 8).

¹⁰ ПВЛ. С. 8.

«Славянская страна» (Словенская земля) тянулась от нижнего течения Дуная через территорию исторической Дакии в Паннонию, заканчиваясь в области провинции Норик.

С этим хорошо соотносится и следующий «паннонский» фрагмент летописи, содержащийся в помещенном под 6406 (898) г. летописном рассказе о деятельности Кирилла и Мефодия и создании славянской письменности. В нем также проявляется общая цель Сказания — утвердить тезис о единстве славян и их первоначальном проживании на Дунае¹¹. Здесь говорится о том, что от дунайских славян произошли все остальные славянские племена, которые покинули свою изначальную родину и разошлись по свету, приняв новые названия. Однако первоначальное название «словене» сохранилось среди тех славян, которые не покинули свою дунайскую родину. Территория этих «дунайцев» в нескольких местах ПВЛ обозначается термином «Словенская земля», служа при этом также и обозначением Великой Моравии¹², которая в тексте ПВЛ именуется также Моравой. В связи с этим интересно отметить: из текста реконструированного «паннонского» Сказания явно вытекает, что ее автор осознанно отличал славян-словен, которые жили вдоль Дуная и территорию которых позже захватили венгры, от тех славян-мораван, которые жили на реке Морава, хотя и те и другие были одно время частью единого политического целого — Великой Моравии¹³.

Термин «Словенская земля» и этноним «словене» появляются и в летописных упоминаниях о новгородских славянах, которые несмотря на то, что покинули свою дунайскую родину, все же оставили себе свое первоначальное наименование¹⁴. Очевидно, что автор Сказания и затем автор ПВЛ различали в этнониме «словене» несколько хронологических и смысловых слоев. Словенами именовались либо жители славянской дунайской прародины в период, предшествующий расселению, либо славяне, оставшиеся в период расселения на прежних местах обитания (то есть дунайские славяне), либо те славяне, которые, покинув дунайскую родину, удержали свое изначальное самоназвание (то есть новгородские славяне). Такая же многослойность характерна и для понятия «Словенская земля», которым обозначается как Великая Моравия, так и территория новгородских славян.

¹¹ «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаевѣ, их же приаша угри, и моравѣ, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ» (ПВЛ. С. 15).

¹² В летописной статье 898 г.: «...и придоша ко цареви, и рече има: “Се прислалася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могль имъ протолковати святаы книги; сего бо желаютъ”. И умолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови» (ПВЛ. С. 15).

¹³ В летописной статье 898 г.: «Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское, и пришедше къ Днѣпру стаха вежами; бѣша бо ходяще аки се половци. Пришедше от вѣстока и устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и волохове приаша землю словенскую. Посем же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покривше я подъ ся, и отголе прозася земля Угорска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи» (ПВЛ. С. 15).

¹⁴ ПВЛ. С. 8–9.

Таким образом, благодаря ПВЛ мы можем изучить фрагменты утраченного западнославянского источника, в котором была запечатлена древняя западнославянская традиция о первоначальной прародине всех славян на Дунае и их последующем расселении¹⁵. После ухода из Паннонии в разные места Европы славяне сохранили память о своих истоках, а их изначальное единство отражалось в их языковом единстве, которое также всячески подчеркивалось в тексте ПВЛ. Несмотря на то, что позднее их древнейшую дунайскую родину — «Словенскую землю» — захватили угры-венгры, вследствие чего она стала называться «Угорской землею», Дунай по-прежнему оставался важным символом славянства, будучи местом, где родилось славянское сознание. Приняв эту западнославянскую традицию как свою, наследниками кирилло-мефодиевской идеологической концепции славянского мира стали южные и восточные славяне. В результате Дунай приобрел как в народной, так и в ученой славянской традиции практически сакральный статус, способствуя интеграции разнообразных славянских групп в единое этническое целое¹⁶.

Аналогичное отображение этой западнославянской (кирилло-мефодиевской) традиции мы обнаруживаем на Балканах, в Летописи попа Дуклянина (далее — ЛПД), созданной в XII в. ЛПД является первым южнославянским литературным памятником типа *Gesta*, своего рода эквивалентом польской хроники Галла Анонима или Чешской хроники Козьмы Пражского. Как древнерусская ПВЛ, так и эта летопись до нас дошла не в своем первоначальном виде, а лишь в поздних, отличающихся друг от друга списках, что в значительной степени затрудняет ее детальный анализ¹⁷. До сих пор нет удовлетворительных ответов на вопросы о том, кто был автором летописи,

¹⁵ Аргументацию в пользу существования такой традиции см.: *Avenarius A. Začiatky Slovanov na strednom Dunaji...* S. 1–15. См. также: *Mesiarkin A. 1) Examining the Slavic identity in Middle Ages // Studia Ceranea (Lodź). 2013. Vol. 3. P. 83–100; 2) Etnogenéza Slovanov a slovanská identita v stredoveku [Dizertačná práca]. Bratislava, 2016.*

¹⁶ О Дунае как сакральном названии у славян см.: *Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 151; о месте Дуная в русском фольклоре см.: Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004. С. 662–742. — По мнению А. А. Шахматова, важное значение Дуная в русской народной культуре может объясняться либо тем, что славяне пришли на Русь с Дуная, либо тем, что дунайская традиция была принесена из Великой Моравии на Русь: *Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода...* С. XIX–XXV.*

¹⁷ Существуют четыре редакции Летописи попа Дуклянина: 1) древнейшая латинская редакция, сохранившаяся в списках середины XVII в.; 2) итальянский перевод латинского текста 1601 г., выполненный Мавро Орбини; 3) позднесредневековая хорватская редакция (так называемая «Хорватская хроника»), сохранившаяся в списке 1546 г., сделанном И. Калетичем; 4) перевод хорватской редакции на латинский язык, выполненный М. Маруличем в 1510 г. Латинская редакция ЛПД значительно длиннее, чем хорватская: она содержит 47 глав, в то время как хорватская редакция состоит из 27 глав. Подробнее см.: *Mošin V. Uvod // Ljetopis Popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika» / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. Hrvatski prijevod latinske redakcije: S. Mencinger i V. Štefanić. Zagreb, 1950. S. 11–36; Leśny J. Wstęp // Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował Jan Leśny. Warszawa, 1988. S. 8–16; Jovanović N. Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje // Marulić M. Latinska manja djela II. Split, 2011. S. 125–168.*

когда именно и с какой целью она была составлена и на каком языке был написан ее первоначальный текст. Считается, однако, что древнейшее ядро текста, известное как *Libellus Gothorum*, было основано как на устной традиции балканских славян, так и на более ранних письменных источниках, и было написано на славянском языке. Предположительно в конце XII в. первоначальное ядро текста хроники было дополнено новыми главами и переведено на латинский язык. Этот латинский перевод текста с дополнениями, как показывают исследования, скорее всего, осуществил Григорий, являвшийся в 1172–1196 гг. архиепископом г. Бар в Дукле¹⁸.

Изложение летописи базируется на неизвестных нам исторических трудах и на устной традиции. В самом начале ЛПД автор идентифицирует (балканских) славян с готами, которые пришли на Балканы с севера, где находилась их прародина¹⁹. Следующие части текста повествуют об истории «готов-славян» на Балканах. ЛПД состоит из 47 (в позднесредневековой хорватской редакции — 27) глав, каждая из которых представляет собой своего рода литературный портрет-профиль одного южнославянского правителя. В начале этого полумифического списка первых правителей «Королевства славян» (*Regnum Sclavorum*)²⁰ появляется фигура короля Свевлада. Вместе с описанием его правления, между строк в нем излагается и концепция «Славянской страны».

Предполагается, что ЛПД зафиксировала и в соответствии со своими идеологическими взглядами преобразовала древнюю западнославянскую традицию о «Славянской стране» Святополка Моравского. Смысловое содержание многих фрагментов летописи всецело подтверждает эту гипотезу. Так, в одном месте автор летописи следующим образом определил границы славянского королевства Свевлада: оно тянулось от Винодола (Хорватия) через центральную Европу, достигая на севере Польши²¹. Такой территориальный охват приблизительно соответствует «королевству славян» Святополка времен его наивысшего могущества. Далее в тексте ЛПД появляется фигура самого Святополка (именуемого в летописи Светопелеком), который изображен здесь как добродетельный и благочестивый правитель-христианин и, в то же время, как король-законодатель²². Переноса историческую фигуру Святополка на Балканы,

¹⁸ Подробный разбор мнений о том, на каком языке был написан архетип летописи: *Mošin V. Uvod*. S. 13–16; *Leśny J. Wstęp*. S. 16–23.

¹⁹ «Caeperuntque se utrique populi valde inter se diligere, id est Gothi, qui et Sclavi, et Vulgari, et maxime quod ambo populi gentiles essent et una lingua esset omnibus» (Ljetopis Popa Dukljanina... S. 46). В готских сюжетах летописи можно усмотреть реминисценции из «Гетики» Иордана. Подробнее об отождествлении готов со славянами см.: *Алимов Д. Е. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв.* СПб., 2016. С. 63–68.

²⁰ Страна славян обозначена в ЛПД как «Regnum Sclavorum», однако это название появляется во всем тексте ЛПД всего один раз — в самом начале, в прологе. В остальных случаях присутствует лишь определение границ страны в правление конкретного южнославянского правителя, но уже без использования указанного названия.

²¹ «Fuerunt autem regni eius fines de Valdevino usque ad Poloniam, (includentes) tam maritimas, quam transmontanas regiones» (Ljetopis Popa Dukljanina... S. 44).

²² «Inter haec mortuus est rex Svetimirus et accepit regnum filius eius Svetopelek nomine. Regnante vero rege Svetopeleko misit papa Stephanus litteras ad venerabilem virum Constantinum doctorem, vocans eum ad se» (Ljetopis Popa Dukljanina... S. 48–49).

автор сознательно переносит и историю страны Святополка в области, находящиеся южнее реки Савы²³, благодаря чему осуществляется легитимизация и историзация местной южнославянской государственности. Таким образом, именно Великая Моравия становится основой южнославянской традиции о «Склавинии» / «Славянской стране». Начиная с ЛПД концепция южнославянской Склавинии прочно укрепились в балканской славянской историографии, а сама ЛПД становилась при этом своего рода идеологическим знаменосцем как для многих последующих южнославянских исторических текстов, так и для идеологических направлений, которые были созданы и развивались именно в этих районах южной Европы²⁴.

Историческую концепцию «Славянской страны» содержит в себе также древнейший памятник польской хроникальной традиции — Хроника Галла Анонима, написанная в начале XII в.²⁵ Происхождение автора хроники по сей день остается предметом дискуссий, поскольку мы располагаем о нем в основном лишь отрывочными данными, разбросанными по всему тексту хроники. Предполагается, что это был бенедиктинский монах, который приехал в Польшу в конце XI в. Рассматривая общий характер хроники, содержание которой показывает хорошую ориентацию автора в венгерских реалиях того времени, можно сделать предположение, что Галл до своего приезда в Польшу провел некоторое время в Венгрии, в бенедиктинском аббатстве в Шомодьваре²⁶. В вопросе об этнической принадлежности автора, в историографии начиная еще с XVI в. доминирует тезис о его французских (южнофранцузских, провансальских) корнях — на это указывает имя (прозвище) Галл²⁷, которое было обнаружено в одном из списков хроники²⁸.

²³ См. более подробно, в сопоставлении с другими источниками: *Homza M. Uhorsko-poľská kronika: Nedocenený prameň k dejinám strednej Európy*. Bratislava, 2009. S. 53–55.

²⁴ Сказанное относится, в частности, к роли боснийских францисканцев в распространении южнославянской концепции «Склавинии» в ученых кругах Европы (влияние этой концепции обнаруживается в трудах Адама Бременского, Бартоломея Английского, Роджера Бэкона (в Англии), Гильома де Рубрука и др.). Подробнее см.: *Malinovská N. Konceptie geografického termínu Sclavinia v historických prameňoch 6.–14. storočia [Dizertačná práca]*. Bratislava, 2011. S. 171–228.

²⁵ Оригинальное латинское название хроники «Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum» известно в русском переводе как «Хроника или деяния князей и правителей польских».

²⁶ Подробнее см.: *Gesta Principum Polonorum / The Deeds of the Princes of the Poles / Ed. and transl. by P. W. Knoll et F. Schaer*. Budapest, 2003. P. XXVI–XXVIII; *Anonim Gall. Kronika polska / Ed. R. Grodecki*. Kraków, 1982. S. 2–14; *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum / Ed. K. Maleciński // MPH. NS. 1952. Vol. 2. 1952. S. I–LXI*.

²⁷ Использование в качестве имени определения «Галл» долгое время приписывалось самому автору хроники. Однако к настоящему времени установлено, что имя-прозвище Галл является позднейшей интерполяцией, сделанной в XVI в., возможно, Мартином Кроммером. Помимо гипотез, связывающих имя Галл с этническим происхождением автора хроники, существует и одна любопытная этимологическая интерпретация этого имени, сближающая его с именем Гавел или с фамилией Галл. Подробнее см.: *Gesta Principum Polonorum... P. XXIV–XXV*. См. также: *Bujak F. Studja geograficzno-historyczne*. Kraków, 1925. S. 78–79; *Grabski A. Polska w opiniach obcych X–XIII w.* Warszawa, 1964. S. 40–45.

²⁸ Наряду с предположением о французском происхождении автора хроники, многочисленных сторонников имеют и гипотезы о его фламандском, венецианском, немецком, венгерско-славянском или даже польском происхождении. Подробнее см.:

Хроника была написана на латинском языке и состоит из трех книг, последние две из которых посвящены жизни польского правителя Болеслава III Кривоустого (1102–1139), в правление которого и был создан этот исторический труд²⁹. Первая часть хроники охватывает широкий период времени, от легендарных истоков Польского государства вплоть до рождения Болеслава III. Сразу после пролога здесь помещено географическое описание «Славянской земли» (*terra Sclauonica*). В нем подчеркивается, что Польша является лишь северной частью этого гораздо более крупного территориального образования славян. «Славянская земля» Галла охватывала всю Центральную Европу: территорию полабских славян, Чехию и Моравию, Польшу, Венгрию, значительную часть славянской Южной Европы (Словению, Хорватию, Сербию, Черногорию), а также Албанию (Эпир)³⁰. Такая концепция «Славянской земли», которая включает в себя территории западных и южных славян, вовсе не является уникальной. Аналогичные, если не идентичные описания «Склавинии» можно найти в ряде более ранних работ византийских и восточных авторов, а также в латинских источниках более позднего времени³¹. Однако именно в польской хронике содержится первое свидетельство существования такого понимания «Склавинии» на собственно славянской почве, что отражает новые тенденции в эволюции сознания и самоидентификации славян. В ней мы наблюдаем зарождение идеи единого славянского мира. Аллегорически Склавиния изображается в хронике как великая мать, которая обнимает своих детей (то есть определенные славянские народы).

Корни усвоения славянами идеи «Склавинии» восходят к X в. и связаны с именем пражского епископа Адальберта (Войцеха) и его окружения, в которое входил и его брат Радим (Гауденций), впоследствии ставший первым польским архиепископом. Основной целью политического проекта Адальберта и его окружения было создание своего рода центральноевропейской федерации славянских народов под названием «Склавиния». Склавиния, как одна церковная провинция с семью епископствами и центром в Праге³², должна была быть своего рода политическим аналогом «Германии»³³. Однако неблагоприятная внутривосточная ситуация в Чехии,

Borawska D. Gallus Anonim czy Italus Anonim // PH. 1965. T. 56. S. 111–119; *Jasiński T.* Czy Gall Anonim to Monachus Littorensis? // KH. 2005. T. 112. Nr 3. S. 69–89.

²⁹ Хроника описывает судьбу Болеслава III Кривоустого по 1113 г., в связи с чем считается, что она была создана во втором десятилетии XII в.

³⁰ «Igitur terra Sclauonica ad aquilonem hiis regionibus suis partialiter divisivis sive constitutivis existens a Sarmaticis, qui et Gete vocantur, in Daciam et Saxoniam terminatur, a Tracia autem per Ungariam (ab) Hunis, qui et Ungari dicuntur, quondam occupatam, descendendo per Carinthiam in Bauariam diffinitur; ad austrum vero iuxta mare mediterraneum ab Epyro derivando per Dalmatiam, Crouaciam et Hystriam finibus maris Adriatici terminata, ubi Venetia et Aquileia consistit, ab Hytalia sequestratur» (*Gesta Principum Polonorum...* P. 6–8).

³¹ Подробный анализ см.: *Verešová N.* Vývoj chápania geografického termínu Sklavínia v historických prameňoch 6.–14. storočia. S. 136–141.

³² План Склавинии Войцеха, который позже стал частью плана Оттона III для создания универсальной христианской монархии, детально анализировал Й. Фрид: *Fried J.* Otton III i Bolesław Chrobry. Warszawa, 2000. См. также: *Dvornik F.* The Slavs at the crossroads: Federation in Otto III's Roman Empire or the formation of a Great Slav State? // *Dvornik F.* The Slavs: Their early history and civilization. Boston, 1956. P. 256–270.

³³ А. Грабский считал, что концепция «Склавинии» как этногеографического образования западных славян сложилась в результате естественной реакции на процесс этнизации

а также появление на троне Священной Римской империи молодого Оттона III изменили план пражского епископа. Император Оттон III дополнил унаследованную им от предшественников концепцию имперского универсализма идеей единства христианского мира, включив в свой блестящий план «*Renovatio imperii Romanorum*» четыре равноценные провинции — Галлию (Gallia), Германию (Germania), Италию (Roma) и Склавинию (Sclavinia). Помимо императора, протагонистами «*Renovatio*» стали епископ Адальберт, ставший, образно говоря, духовным отцом провинции «Склавиния», его брат Радим (Гауденций) и польский князь Болеслав Храбрый, который, очевидно, должен был играть роль светского правителя «Склавинии».

Однако и этот проект не был реализован. Смелые планы трансформации европейского пространства оборвались вместе с ранней смертью молодого императора. Несмотря на то, что обе эти инициативы — первоначальный проект Адальберта и последующий совместный проект Адальберта и Оттона III — остались только в теоретической плоскости, они оказали большое влияние на дальнейшее развитие. Следует подчеркнуть, что как концепция «Славянской федерации» св. Адальберта, так и концепция провинции «Склавиния» Оттона III продемонстрировали готовность славян Центральной Европы активно участвовать в политической жизни и, объединившись, действовать в качестве равноправного партнера Германии. Интересно, что и в этом случае начальный импульс также вышел из среды, которая была напрямую связана с великоморавской традицией, это возвращает нас к высказанной нами ранее мысли, что представление об изначальном единстве всех славян и их родине на Дунае было впервые сформулировано и концептуально закреплено именно в Великой Моравии. Если согласиться с тезисом, что это идейное наследие великоморавской кирилло-мефодиевской традиции через Болгарию достигло даже Древней Руси, будучи впоследствии инкорпорировано в ПВЛ, то тем более вероятным выглядит сохранение этого идейного наследия в той среде, где оно в свое время зародилось, и где впоследствии развернул свою деятельность Адальберт-Войцех. Благодаря значительному влиянию и широким связям Адальберта в духовной и политической элите Европы, он вполне мог попытаться прагматично использовать потенциал своего *genius loci* при создании собственного плана христианского политического объединения славян³⁴. Хотя создание провинции «Склавиния», мыслимой в качестве новой центральноевропейской политической формации, своего рода противовеса Германии, так и не было осуществлено, запущенный самой этой идеей процесс (западно) славянской политической эмансипации все же приобрел на рубеже X–XI вв. реальные очертания. Анализируя содержание Хроники Галла Анонима, можно смело сказать, что сама идея «Склавинии» продолжала играть стимулирующую роль в политических планах славянских правителей³⁵.

древнего географического понятия «Германия», которое начиная с X в. стало обозначать страну (географическую область), населенную германцами / немцами. Эта «германизация Германии» спровоцировала аналогичный процесс формирования «Склавинии». См.: Grabski A. Polska w opiniach obcych... S. 81–109; см. также: Wolfram H. New peoples around the year 1000 // Europa around the year 1000 / Ed. by P. Urbańczyk. Warszawa, 2001. P. 391–409.

³⁴ Подробнее см.: Malinová N. Vývoj koncepcie Sclavinia v 12. storočí a jej reflexia v poľskej kronike Galla Anonyma // Nové historické rozhľady. 2015. Roč. 5. Č. 1. S. 43–53.

³⁵ Хотя создание славянской федерации реализовано не было, непосредственным результатом этих новых политических настроений являлось преобразование центральноевропейского

Следующим важным историческим произведением, в котором отразилась славянская концепция «Склавинии», генетически связанная с великоморавской традицией, является так называемая «Венгерско-Польская хроника». На основании результатов последних текстологических исследований можно заключить, что она была создана во втором или третьем десятилетии XIII в. в правление венгерского короля Эндре II. Ранее считалось, что хроника была составлена при дворе второго сына Эндре II, галицкого герцога Коломана, и его польской жены Саломеи на территории Славонии. Однако в недавних исследованиях Мартина Хомзы и Рышарда Гжесика были приведены убедительные аргументы в пользу словацкого (спишского) происхождения хроники³⁶. Вероятным местом создания хроники является Спишский Град вместе со Спишской Капитулой, являвшиеся центрами средневекового Спиша и власти Арпадов в северо-восточной части Венгерского королевства³⁷. Именно здесь Коломан, который был не только герцогом галицким (в венгерских источниках — *Rex Galiciae et Lodomeriae*), но и славонско-хорватским и спишским герцогом, проводил долгое время вместе со своей женой Саломеей³⁸.

По своей общей направленности «Венгерско-Польская хроника» существенно отличается от других средневековых венгерских хроник. С одной стороны, на нее следует смотреть как на текст, созданный с целью обосновать историческое право династии Арпадов на свою новую дунайскую родину. С другой стороны, удивляет сильная прославянская ориентация хроники. Одновременно текст «Венгерско-

пространства. Неслучайно именно на рубеже первого и второго тысячелетий здесь достиг своей кульминации процесс кристаллизации трех новых государственных образований — Чехии, Венгрии и Польши, которые еще столетие с небольшим назад были частью «Славянской страны» Святополка Моравского. Общей чертой политики правителей этих трех государств были попытки консолидировать свой суверенитет, в частности, путем создания автономной церковной организации и приобретения наследственного королевского титула. Так, польский князь Болеслав Храбрый, как и венгерский правитель Иштван, управлявший этнически смешанным славянско-венгерским населением, одновременно претендовали на наследство Святополка — помазание папой римским и коронацию. Их конкуренция за корону закончилась победой Иштвана и последующим военным столкновением друг с другом, о котором мы находим мимолетные упоминания в нескольких польских и венгерских хрониках. Подробнее см.: *Verešová N. Boleslav Chrabrý a Slovensko // Medea. Studia Mediaevalia et Antiqua. 2001. S. 16–30*; см. также: *Chaloupecký V. Radla-Anastasius, druh Vojtechův, organisátor uherské cirkve // Bratislava. Časopis učenej spoločnosti Šafárikové. 1927. Roč. 1. S. 270–328*; *Wolfram H. New peoples... P. 395–399*. — О королевском титуле Святополка Моравского см. подробно: *Homza M. K argumentácii o kráľovskom titule Svätopluka I. (†894) // Homza M.; et al. Svatopluk v europskom písomníctve... S. 142–161*.

³⁶ *Grzesik R. Kronika węgiersko-polska. Z dziejów polsko-węgierskich kontaktów kulturalnych w średniowieczu. Poznań, 1999*; *Homza M. Uhorsko-poľská kronika: Nedocenený prameň k dejinám strednej Európy. Bratislava, 2009*.

³⁷ Подробнее см.: *Homza M. 1) Mulieres suadentes: Presviedčajúce ženy. Bratislava, 2002*; 2) *Uhorsko-poľská kronika... S. 15–19*; *Grzesik R. 1) Kronika węgiersko-polska. Z dziejów polsko-węgierskich kontaktów kulturalnych w średniowieczu. Poznań, 1999*; 2) *Żywot Św. Stefana króla Węgier czyli Kronika węgiersko-polska. Warszawa, 2003. S. 18–31*.

³⁸ Подробнее см.: *Procházková N. Koloman Haličský: Arpádovský panovník prvej polovice 13. storočia [Дизертаčná práca]. Bratislava, 2015*.

Польской хроники» содержит в себе и антинемецкую направленность, что, учитывая само происхождение Коломана и влияние Андекско-Меранской династии, выглядит не вполне ясным. Однако если приписать инициативу в создании хроники и ведущую роль в политических проектах, связанных с именем Коломана³⁹, его жене Саломее и ее окружению (в котором с начала 30-х гг. XIII в. наблюдалось осязаемое присутствие францисканцев), то вся картина приобрела бы гораздо более логичный характер⁴⁰.

Говоря об источниках, использованных автором «Венгерско-Польской хроники», надо, в первую очередь, отметить своего рода «метаисточник» всей средневековой венгерской хроникальной традиции — не дошедшие до нас «*Gesta Hungarorum vetera*» второй половины XI в., о существовании которых мы знаем благодаря отсылкам к ним в более поздних венгерских хрониках⁴¹. Также следует отметить части, заимствованные из «Жития Иштвана Святого» редакции Хартвика⁴², и также известия, очевидно, восходящие к рассмотренной нами выше Летописи попа Дуклянина⁴³.

Обращаясь к интересующему нас вопросу об использовании в «Венгерско-Польской хронике» образа «Королевства славян» Святополка в качестве образца «Склавинии», следует, в первую очередь, отметить следующее. В самом начале повествования автор хроники объясняет, что венгры приняли христианство в своей новой стране — «Склавонии» (*Scлавonia*)⁴⁴. В данном случае ясно, что речь идет о территории Паннонии. Такое представление официальной исторической памяти самими Арпадами на первый взгляд может показаться удивительным: отождествление Склавонии с Венгрией, вместе с теорией о гостеприимной встрече венгров жителями Карпатской котловины, является для средневековой венгерской историографии уникальным явлением. Вероятно, что «Венгерско-Польская хроника» отражает в данном случае древнюю славянскую

³⁹ Подробнее о плане Коломана преобразовать южнославянские части Королевства Венгрия в церковно-административную единицу под названием Склавиния см. *Procházková N. Koloman Haličský... passim*.

⁴⁰ Стоит заметить, что и титулатура Коломана меняется как раз в конце 20-х — начале 30-х гг. XIII в., когда он приобретает титул «*dux totius Sclavoniae*». Конечно, нет необходимости вдаваться в спекуляции и абсолютизировать влияние Саломеи на Коломана, но не стоит и игнорировать ее вклад в политическое *imaginatio* своего мужа.

⁴¹ См. анализ источников «Венгерско-Польской хроники»: *Homza M. Uhorsko-pol'ská kronika... S. 28–40*; *Grzesik R. Żywot Św. Stefana... S. 31–37*. — В вопросе основной базы источников «Венгерско-Польской хроники» Р. Ф. Кайндль сформулировал концепцию, согласно которой в нее вошли части более ранних хроник. По мнению исследователя, помимо уже упомянутых «*Gesta Hungarorum vetera*» это могли быть также не дошедшие до нас «Нитранские хроники» (*Kaindl R. F. Studien zu den ungarischen Geschichtsquellen // Archiv für österreichische Geschichte. 1894. Bd 81. S. 325–345*).

⁴² См.: *Grzesik R. Żywot Św. Stefana... S. 31–37*.

⁴³ Использование южнославянской, точнее, славонско-хорватской исторической традиции ясно проявляется в известиях «Венгерско-Польской хроники» о легендарном правителе Казимире, которые восходят к хорватской легенде о короле Звонимире. См.: *Homza M. Uhorsko-pol'ská kronika... S. 50–54*.

⁴⁴ «*Iesus Christus, qui est Deus omnipotens, non in propria regione, in aliena, quae Scлавonia nominatur, post multos labores et aerumpnas ad fidem catholicam mirabili sua providentia vocare dignatus est*» (*Chronica Hungaro-Polonica / Ed. B. Karácsonyi // Acta Historica Universitatis Szegediensis de Atila József nominatae. 1969. Vol. 26. P. 9*).

(«словацкую») традицию, не оставляя, таким образом, места для официальной интерпретационной линии королевского двора. Далее в хронике следуют известия о легендарном предводителе венгров, Аттиле (*Aquila*), который, бродя по Италии, пришел к границам Славонии и Хорватии, к рекам Сава и Драва, где покорил местное население во главе с князьями Хорватии и Славонии (*Chrwacie et Sclavonie*)⁴⁵. Мнения историков о том, что в данном случае обозначает термин «*Sclavonia*», расходятся: это может быть как Славония, так и Паннония. Для того чтобы понять содержание этого фрагмента, необходимо вернуться на несколько строк назад, где автор «Венгерско-Польской хроники» излагает южнославянскую легенду о храбром и благочестивом правителе «Славонии и Хорватии» Казимире⁴⁶, которого убили собственные люди. Венгерский хронист этот мотив борьбы «добра и зла» включил в сюжетную структуру своего рассказа, которым пытался легитимизовать права венгерской династии на «новую родину»⁴⁷. В соответствии с убеждением в том, что добро всегда побеждает зло, Аттила, как инструмент Божьей справедливости, завоевал страну Казимира и решил там обосноваться. Обходя завоеванные области («Славонию и Хорватию»), он пересек Дунай и Тису, и земля, которую он там нашел, стала новым домом для его народа, став с тех пор называться Венгрией. Мы видим, что автор снова, посредством нескольких почти незаметных упоминаний, соединяет «Славонию» с Венгрией. Подобную параллель мы находим и в следующем фрагменте, где говорится о «потомке Аттилы» — Беле, который после смерти своего отца Коломана путешествует из Хорватии через Аквилею «в свою землю Славонию» (*in terram suam Sclavoniam*), переименованную его предками в Венгрию⁴⁸. В этом случае мы сталкиваемся уже с отождествлением Славонии с Венгрией *expressis verbis*.

Аргументов в пользу мнения о том, что Славонией в тексте «Венгерско-Польской хроники» однозначно именуется территория исторической Венгрии, можно привести еще несколько⁴⁹. Из текста хроники ясно вытекает, что «Славонией» не является обозначением позднейшей хорватской Славонии. «Славонией» называется здесь гораздо более крупная территориальная единица, в состав которой входят и южнославянские земли. В такой концепции Славонии нетрудно увидеть реминисценцию на великую «Славянскую страну» Святополка Моравского, преемником которой в территориальном смысле стало Венгерское королевство⁵⁰. Таким образом,

⁴⁵ «Movit autem inde se exercitus suos, et pertransivit Alpes Carintie, et venit in terminos Chrwacie et Sclavonie inter fluvios Savam et Dravam: ibique occurrerunt ei principes Chrwacie et Sclavonie» (*Chronica Hungaro-Polonica*. P. 16).

⁴⁶ О короле Казимире, фигура которого в тексте «Венгерско-Польской хроники» является результатом контаминации нескольких исторических фигур (Святополк Моравский, Звонимир, и др.) см.: *Homza M. Uhorsko-poľská kronika...* S. 54–56, 125–126.

⁴⁷ «De victoria Aquilae Regis (...) et meum electum regem Kazimirum, qui michi in Sclavonie et Chrwacie partibus toto cordis ac mentis affectu fideliter in saeculo servivit, in eis, qui ipsum tradendo turpiter occiderunt» (*Chronica Hungaro-Polonica*. P. 15).

⁴⁸ «Iste autem mortuo patre regressus est in civitatem suam Aquileiam et ibi accepit uxorem Grecam de Constantinopolitano imperio. Inde autem movens se venit in terram suam Sclavoniam, quam atavus suus Ungariam appellavit» (*Chronica Hungaro-Polonica*. P. 20–21).

⁴⁹ Подробно см.: *Malinová N. Konceptie geografického termínu Sclavinia...* S. 179–185.

⁵⁰ *Homza M. Ešte raz k téme kráľovského titulu pre Svätopluka I. alebo odpoveď na odpoveď Jána Steinhübel, ale aj iným súčasným aj minulým antidicosvätoplukiánom // HZ. 2016. Roč. 26. Č. 1. S. 139–163.*

мы и здесь сталкиваемся с элементами великоморавской традиции о первой «стране славян», которую Коломан и его окружение, очевидно, планировали использовать при создании своей концепции южнославянской Склавинии⁵¹. «Венгерско-Польская хроника», таким образом, отвечала задачам легитимации их политических целей.

Суммируя результаты осуществленного нами обзора концепций «Склавинии» / «Славянской земли» в средневековых славянских источниках, можно прийти к следующим выводам. В образе «Словенской земли», содержащемся в ПВЛ, отразилась древнейшая собственно славянская концепция о славянской прародине на Дунае. Истоки этой концепции следует искать в великоморавском идейном наследии, связанном с именами Кирилла и Мефодия и их учеников. В Летописи попа Дуклянина мы наблюдали *translatio regni Sclavorum* Святополка на берега Адриатического моря, то есть адаптацию великоморавской традиции в целях легитимизации южнославянской государственности. В Хронике Галла Анонима мы впервые встретились с концептом «Славянской страны», который был отражением политического проекта единой центрально-европейской «Склавинии», близкого к реальному осуществлению на политической арене Европы на рубеже X–XI вв. В «Венгерско-Польской хронике» мы встретились с отождествлением «Склавинии» с Венгрией. Здесь, подобно тому как это наблюдалось в Летописи попа Дуклянина, произошло присвоение истории Великой Моравии, в результате чего Венгерское королевство исторически легитимировало свое господство в Карпатской котловине. При этом, как было показано выше, все перечисленные концепции «Склавинии» имели один общий знаменатель — память о Великой Моравии Святополка. Таким образом, можно заключить, что подобно тому как в исторической памяти славянства Дунай ассоциировался с началом славянского народа, Великая Моравия ассоциировалась в ней с началом славянской государственности. «Королевство славян» Святополка стало своего рода образцом, архетипом сильного славянского государства во главе с могущественным правителем, и именно из этого образца в идейном плане исходили последующие славянские политические концепции.

Данные о статье

Автор: Малиновска, Нора — доктор истории, ассистент, Институт социальной медицины и медицинской этики, Медицинский факультет, Университет им. Я. А. Коменского, Братислава, Словакия, malinovska@jfm.uniba.sk

Заголовок: «Regnum Sclavorum» Святополка как источник средневековых славянских концепций «Склавинии»

Резюме: Предполагается, что «Повесть временных лет» сохранила в своем составе фрагменты древнего западнославянского источника, принадлежавшего к великоморавской или паннонской литературной традиции конца IX – начала X в. Эти фрагменты несут в себе драгоценные свидетельства о славянской прародине на реке Дунай, откуда славяне постепенно распространились по обширным районам Европы, прочно сохраняя сознание своего первоначального единства. Эта родина на Дунае, которую они называли «Словенской землей», позже была занята венгерскими племенами и впоследствии переименована в Венгрию. Признавая эту западнославянскую традицию своей, восточные славяне стали явными преемниками великоморавской и кирилло-мефодиевской идеологической концепции славянского мира.

⁵¹ Подробнее про Коломана как правителя Склавинии см.: Procházková N. Some notes on the titles of Coloman of Galicia // Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780). P. 104–109.

Аналогичный случай восприятия великоморавской традиции можно обнаружить в «Летописи попа Дуклянина». Здесь мы стали свидетелями того, как соединение великоморавской традиции о Святополке с местной дуклянской традицией заложило основу южнославянской традиции о древнем и могущественном «королевстве славян». Похожее явление обнаруживается и в «Венгерско-Польской хронике», где Славония, отождествляемая с Великой Моравией, рассматривается как предшественница Королевства Венгрии.

Последняя рассматриваемая традиция апелляции к «стране славян» обнаруживается при рассмотрении Хроники Галла Анонима. В рамках этой самой территориально широкой трактовки понятия *Sclavonia* мы наблюдаем эволюцию идеи об этническом единстве славян, которая постепенно приобрела геополитические коннотации (план Славинии св. Адальберта, а также план Оттона III о Славинии как части универсальной Римской империи). Здесь также обнаруживается великоморавское идейное наследие, веками оказывавшее влияние на идеологические движения в регионе Центральной Европы.

Подводя итоги рассмотрению названных источников, можно идентифицировать три основные славянские традиции, которые уходят своими корнями к Великой Моравии эпохи правления Святополка и ее идейному наследию: 1) древнерусская традиция; 2) южнославянская традиция; 3) латинская западнославянская традиция. Все эти три традиции предположительно фиксировали историческую память самих славян об их первой государственности на Дунае — реке, которая в результате приобрела «тотемический», сакральный характер как в устных, так и в письменных традициях почти всех славянских народов. Великая Моравия, которая служила образцом могущественного и во всех отношениях важного славянского государства, определила эволюцию и историю большинства ее славянских потомков. В целях утверждения собственной легитимности они сохраняли, перерабатывали и распространяли память об общей славянской стране (родине), именовавшейся *Sclavīnia*.

Ключевые слова: *Sclavīnia*, *Sclavonia*, *regnum Slavorum*, Великая Моравия, Святополк

Литература, использованная в статье

Алимов, Денис Евгеньевич. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 380 с.

Буслаев, Федор Иванович. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 856 с.

Данилевский, Игорь Николаевич. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Литавин, Геннадий Григорьевич. Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Москва: Наука, 1984. С. 193–203.

Майоров, Александр Вячеславович. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 208 с.

Шахматов, Алексей Александрович. Сказание о предложении книг на словенский язык // *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908. С. 172–188.

Шахматов, Алексей Александрович. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 488 с.

Шахматов, Алексей Александрович. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 1024 с.

Шахматов, Алексей Александрович. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Москва: Индрик, 2002. 424 с.

Щавелев, Алексей Сергеевич. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. Москва: Северный паломник, 2007. 272 с.

Avenarius, Alexander. *Začiatky Slovanov na strednom Dunaji: Autochtonistická teória vo svetle súčasného bádania* // *Historický časopis*. 1992. Roč. 40. Č. 1. S. 1–15.

Borawska, Danuta. Gallus Anonim czy Italus Anonim // *Przegląd Historyczny*. 1965. T. 56. S. 111–119.

Bujak, Franciszek. *Studja geograficzno-historyczne*. Kraków: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1925. 300 s.

Chaloupecký, Václav. Radla-Anastasius, druh Vojtechův, organisátor uherské církve // Bratislava. Časopis učené spoločnosti Šafárikové. 1927. Roč. 1. S. 270–328.

- Dvornik, Francis.* The significance of the missions of Cyril and Methodius // *Slavic Review*. 1969. Vol. 23. P. 195–211.
- Grabski, Andrzej.* Polska w opiniach obcych X–XIII w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 416 s.
- Grzesik, Ryszard.* Kronika węgiersko-polska. Z dziejów polsko-węgierskich kontaktów kulturalnych w średniowieczu. Poznań: PTPN, 1999. 244 s.
- Homza, Martin.* Mulieres suadentes = Presviedčajúce ženy: Štúdie z dejín ženskej panovníckej svätosti v strednej a vo východnej Európe v 10.–13. storočí. Bratislava: Lúč, 2002. 186 s.
- Homza, Martin.* Uhorsko-poľská kronika: Nedocenený prameň k dejinám strednej Európy. Bratislava: Post Scriptum, 2009. 223 s.
- Homza, Martin.* Ešte raz k téme kráľovského titulu pre Svätopluka I. alebo odpoveď na odpoveď Jána Steinhübelu, ale aj iným súčasným aj minulým antidosvätoplukiánom // *Historický zborník*. Martin: Matica slovenská, 2016. Vol. 26. Č. 1. S. 139–163.
- Homza, Martin; et al.* Svatopluk v europskom písomníctve. Študie z dejín svatoplukovskej legendy. Bratislava: Post Scriptum, 2013. 749 s.
- Hurbanič, Martin.* The Byzantine missionary concept and its revitalisation in the 9th century // *Byzantinoslavica*. 2005. Vol. 63. No. 1. P. 103–116.
- Jasiński, Tomasz.* Czy Gall Anonim to Monachus Littorensis? // *Kwartalnik Historyczny*. 2005. T. 112. Nr 3. S. 69–89.
- Jovanović, Neven.* Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje // *Marulić M. Latinska manja djela II*. Split: Književni krug, 2011. S. 125–168.
- Kaindl, Raimund.* Studien zu den ungarischen Geschichtsquellen // *Archiv für österreichische Geschichte*. 1894. Bd 81. S. 325–345.
- Malinovská, Nora.* Konceptie geografického termínu Sclavinia v historických prameňoch 6.–14. storočia [Dizertačná práca]. Bratislava: [s. n.], 2011. 294 s.
- Malinovská, Nora.* Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic tradition // *Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780)* / Ed. by Martin Homza, Ján Lukačka, Neven Budak, Veronika Kucharská, Stanislava Kuzmová, Adam Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak history, Faculty of Philosophy of the Comenius University, Bratislava; Faculty of Philosophy of Zagreb University, 2013. P. 60–65.
- Malinovská, Nora.* Vývoj koncepcie Sclavinia v 12. storočí a jej reflexia v poľskej kronike Galla Anonyma // *Nové historické rozhľady*. 2015. Roč. 5. Č. 1. S. 43–53.
- Mesiarkin, Adam.* Examining the Slavic identity in Middle Ages // *Studia Ceranea*. Lodź: Ceraneum. 2013. Vol. 3. P. 83–100.
- Mesiarkin, Adam.* Etnogenéza Slovanov a slovanská identita v stredoveku [Dizertačná práca]. Bratislava: [s. n.], 2016. 179 s.
- Procházková, Nataša.* Koloman Haličský: Arpádovský panovník prvej polovice 13. storočia [Dizertačná práca]. Bratislava: [s. n.], 2015. 158 s.
- Procházková, Nataša.* Some Notes on the Titles of Coloman of Galicia // *Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780)* / Ed. by Martin Homza, Ján Lukačka, Neven Budak, Veronika Kucharská, Stanislava Kuzmová, Adam Mesiarkin. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak history, Faculty of Philosophy of the Comenius University, Bratislava; Faculty of Philosophy of Zagreb University, 2013. P. 104–109.
- Verešová, Nora.* Boleslav Chrabrý a Slovensko // *Medea — Studia mediaevalia et antiqua*. 2001. S. 16–30.
- Verešová, Nora.* Vývoj chápania geografického termínu Sklavínia v historických prameňoch 6.–14. storočia // *Historický zborník*. Martin: Matica slovenská, 2008. Č. 1. S. 124–143.
- Verešová, N.* Povešť vremennych let a jej koncepcia Slovienskej zeme // *Historia Nova*. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. Bratislava, 2011. S. 12–20.

Information about the article

Author: Malinovská, Nora — Ph. D. in History, Assistant Professor, Institute of Social Medicine and Medical Ethics, Faculty of Medicine, Comenius University in Bratislava, Slovakia, malinovska@jfmf.uniba.sk

Title: Svatopluk's *Regnum Sclavorum* as a source of medieval Slavic concepts of *Sclavinia*

Summary: The Primary Chronicle (The Tale of Bygone Years) is believed to have incorporated and preserved the very archaic West Slavic segments from the unknown historical source belonging to the Great Moravian or Pannonian literary tradition of the late 9th and early 10th centuries. These parts bear the precious testimony about the archetypal motherland of the Slavs on the Danube River, from where they gradually spread out over the extensive parts of Europe, preserving, however, solidly the consciousness of their initial unity. This motherland on the Danube, which they called *Slovyenskaya zeml'ya* [Slavic land/country], was later then occupied by the Hungarian tribes and consequently renamed into Hungary. Acknowledging this West Slavic tradition as their own, the East Slavs became the apparent successors of the Great Moravian and Cyrillo-Methodian ideological concept of the Slavic world.

The analogical case of an adoption of the Great Moravian tradition into the particular, this time, the South Slavic tradition can be detected in the Chronicle of Pop Dukljanin. Here we have witnessed how the interjection of the (Great Moravian) Svatopluk's tradition with the tradition of the Slavonic-Croatian statehood laid the basis for the South Slavic tradition of *Sclavinia* as the powerful and archaic Balkan country of the Slavs. A very similar message is brought forward by the Hungarian-Polish Chronicle, where *Sclavinia* as Great Moravia is explicitly considered to be a predecessor of the Kingdom of Hungary.

The last discussed concept of *Sclavinia*, as the vast country of many Slavic tribes, arises when dealing with the Chronicle of Gallus Anonymus. Within this widest portrayal and territorial depiction of *Sclavinia* we have witnessed the gradual evolution of an idea of the ethnic unity of the Slavs, which was gradually extended into the geo-political dimensions (e. g. references to St. Adalbert's plan of *Sclavinia* as the political union of the West and possibly the South Slavs; also to Otto's III plan of *Renovation Imperii Romanorum*). Again here, we come to a touch with the Great Moravian legacy and its *genius loci*, which was influencing the ideological movements in this region for many centuries.

Summarizing the outcomes from the analysed historical sources, we presume to identify the three basic Slavic traditions, which trace their roots back to Great Moravia of Svatopluk and its ideological and territorial legacy: 1) Old-Russian tradition; 2) South Slavic tradition; and 3) Latin West Slavic tradition. All these traditions, as it was shown, are alleged to have fixed the historical memory of the Slavs themselves about their first statehood on the Danube — the river, which as a result acquired a «totemic», sacral character both in oral and written traditions of almost all Slavic peoples. Great Moravia, which served as the model of the powerful and in all aspects important Slavic state, stamped the evolution and history of the majority of its Slavic descendants. These, in order to receive a hallmark of their own legitimacy, preserved, modified and spread further the memory on the common Slavic country (motherland), called *Sclavinia*.

Keywords: Sclavinia, Sclavinia, regnum Sclavorum, Great Moravia, Svatopluk

References

- Alimov, Denis Evgen'evich. *Etnogenez khorvatov: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoy obschnosti v VII–IX vv.* [Ethnogenesis of the Croats: The forming of the Croat ethno-political community in the 7th–9th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 380 p. (in Russian).
- Avenarius, Alexander. *Začiatky Slovanov na strednom Dunaji: autochtonistická teória vo svetle súčasného bádania* [Origins of the Slavs in the Middle Danube region: The autochtonist theory in the light of contemporary research], in *Historický časopis*. 1992. Vol. 40. No. 1. P. 1–15 (in Slovak).
- Borawska, Danuta. Gallus Anonim czy Italus Anonim [Gallus Anonim or Italus Anonim], in *Przegląd Historyczny*. 1965. Vol. 56. P. 111–119 (in Polish).
- Bujak, Franciszek. *Studja geograficzno-historyczne* [Geographical-historical studies]. Cracov, Gebethner and Wolff Publ., 1925. 300 p. (in Polish).
- Buslaev, Fyodor Ivanovich. *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovnoslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical reader of the Church-Slavonic and Old-Russian languages]. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2004. 856 p. (in Russian).
- Chaloupecký, Václav. Radla-Anastasius, druh Vojtechův, organisátor uherské církve [Radla-Anastasius, Vojtech's friend and organizer of the Hungarian Church], in *Bratislava. Časopis učené společnosti Šafárikové*. 1927. Vol. 1. P. 270–328 (in Czech).
- Danilevskiy, Igor' Nikolaevich. *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years: Hermeneutic principles of the source criticism of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. (in Russian).
- Dvornik, Francis. The significance of the missions of Cyril and Methodius, in *Slavic Review*. 1969. Vol. 23. P. 195–211.

- Grabski, Andrzej. *Polska w opiniach obcych X–XIII w.* [Poland in foreign accounts of the 10th–13th centuries]. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1964. 416 p. (in Polish).
- Grzesik, Ryszard. *Kronika węgiersko-polska. Z dziejów polsko-węgierskich kontaktów kulturalnych w średniowieczu* [Hungarian-Polish Chronicle. A topic from the history of the cultural contacts between Hungary and Poland in the Middle Ages]. Poznań: PTPN Publ., 1999. 244 p. (in Polish).
- Homza, Martin. *Mulieres suadentes = Presviedčajúce ženy: Štúdie z dejín ženskej panovníckej svätosti v strednej a vo východnej Európe v 10.–13. storočí* [Mulieres suadentes = Persuasive women: Studies on the history of female royal saints in East Central Europe in the 10th–13th centuries]. Bratislava: Lúč Publ., 2002. 186 p. (in Slovak).
- Homza, Martin. *Uhorsko-poľská kronika: nedocenený prameň k dejinám strednej Európy* [Hungarian-Polish chronicle: An unappreciated source to the history of Central Europe]. Bratislava: Post Scriptum Publ., 2009. 223 p. (in Slovak).
- Homza, Martin. Ešte raz k téme kráľovského titulu pre Svätopluka I. alebo odpoveď na odpoveď Jána Steinhübela, ale aj iným súčasným aj minulým antidicosvätoplukiánom [One more time on the topic of the royal title of Svätopluk I], in *Historický zborník*. Martin: Matica slovenská Publ., 2016. Vol. 26. No. 1. P. 139–163 (in Slovak).
- Homza, Martin; et al. *Svätopluk v evropskom písomnictve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy* [Svätopluk in European literature. Studies on the history of the Svätopluk legend]. Bratislava: Post Scriptum Publ., 2013. 749 p. (in Slovak).
- Hurbanič, Martin. The Byzantine missionary concept and its revitalisation in the 9th century, in *Byzantinoslavica*. 2005. Vol. 63. No. 1. P. 103–116.
- Jasiński Tomasz. Czy Gall Anonim to Monachus Littorensis? [Is Gall Anonim identical to Monachus Littorensis?], in *Kwartalnik Historyczny*. 2005. Vol. 112. No. 3. P. 69–89 (in Polish).
- Jovanović, Neven. Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje [Marulić's translation of the Croatian Chronicle and this edition], in Marulić, Marko. *Latinska manja djela II* [Latin minor works]. Split: Književni krug Publ., 2011. P. 125–168 (in Croatian).
- Kaindl, Raimund. Studien zu den ungarischen Geschichtsquellen [Studies on hungarian historical sources], in *Archiv für österreichische Geschichte*. 1894. Vol. 81. P. 325–345 (in German).
- Litavrin, Gennadiy Grigor'evich. Slavonii VII–IX vv. — sotsial'no-politicheskie organizatsii slavyan [The 7th to 9th century Sclavinias — social-political organizations of the Slavs], in *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya* [Ethnogenesis of the nations of the Balkans and the Black Sea Shore]. Moscow: Nauka Publ., 1984. P. 193–203 (in Russian).
- Maierov, Aleksandr Vyacheslavovich. *Velikaya Khorvatiya: Etnogenez i rannyya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona* [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of the Slavs of the Carpathian region]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. 208 p. (in Russian).
- Malinová, Nora. *Koncepcie geografického termínu Sclavinia v historických prameňoch 6.–14. storočia* [Concept of the geographical term Sclavinia in the 6th to 14th century historical sources]. Ph. D. Thesis. Bratislava: [s. n.], 2011. 294 p. (in Slovak).
- Malinová, Nora. Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic tradition, in Homza, Martin; Lukačka, Ján; Budak, Neven; Kucharská, Veronika; Kuzmová, Stanislava; Mesiarkin, Adam (eds). *Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780)*. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak history, Faculty of Philosophy of the Comenius University, Bratislava; Faculty of Philosophy of Zagreb University Press, 2013. P. 60–65.
- Malinová, Nora. Vývoj koncepcie Sclavinia v 12. storočí a jej reflexia v poľskej kronike Galla Anonyma [Evolution of the concept of Sclavinia in the 12th century and its reflection in the Chronicle by Gallus Anonymus], in *Nové historické rozhľady*. 2015. Vol. 5. No. 1. P. 43–53 (in Slovak).
- Mesiarkin, Adam. Examining the Slavic identity in Middle Ages, in *Studia Ceranea*. Lodź: Ceraneum Publ., 2013. Vol. 3. P. 83–100.
- Mesiarkin, Adam. *Etnogenez Slovanov a slovanská identita v stredoveku* [Ethnogenesis of the Slavs and the Slavic identity in the Middle Ages]. Ph. D. Thesis. Bratislava: [s. n.], 2016. 179 p. (in Slovak).
- Procházková, Nataša. *Koloman Haličský: Arpádovský panovník prvej polovice 13. storočia* [Koloman of Galitia: An Arpad ruler of the first half of the 13th century]. Ph. D. Thesis. Bratislava: [s. n.], 2015. 158 p. (in Slovak).

Procházková, Nataša. Some Notes on the Titles of Coloman of Galicia, in Homza, Martin; Lukačka, Ján; Budak, Neven; Kucharská, Veronika; Kuzmová, Stanislava; Mesiarkin, Adam (eds). *Slovakia and Croatia. Historical parallels and connections (until 1780)*. Bratislava; Zagreb: Department of Slovak history, Faculty of Philosophy of the Comenius University, Bratislava; Faculty of Philosophy of Zagreb University Press, 2013. P. 104–109.

Shchavelev, Aleksey Sergeevich. *Slavyanskie legendy o pervykh knyaz'yah. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modeley vlasti u slavyan* [Slavic legends on the first princes. A comparative-historical study of Slavic models of power]. Moscow: Severnyi Palomnik Publ., 2007. 272 p. (in Russian).

Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. Skazanie o prelozhenii knig na slovenskiy yazyk [The Tale of the translation of books into the Slavic language], in *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića* [Miscellany in honour of Vatroslav Jagić]. Berlin, 1908. P. 172–188 (in Russian).

Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. *Istoriya russkogo letopisaniya. T. I: Povest' vremennykh let i drevneishie russkie letopisnye svody. Kn. 1: Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh* [History of the Russian chronicle writing. Vol. I: The Tale of Bygone Years and the oldest Russian chronicle svods. Part 1: Investigation on the oldest Russian chronicle svods]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2002. 488 p. (in Russian).

Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. *Istoriya russkogo letopisaniya. T. I: Povest' vremennykh let i drevneishie russkie letopisnye svody. Kn. 2: Rannee russkoe letopisanie XI–XII vv.* [History of the Russian chronicle writing. Vol. I: The Tale of Bygone Years and the oldest Russian chronicle svods. Part 2: Early Russian chronicle writing of the 11th–12th centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 1024 p. (in Russian).

Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [Essay on the oldest period of the history of the Russian language]. Moscow: Indrik Publ., 2002. 424 p. (in Russian).

Verešová, Nora. Boleslav Chrabrý a Slovensko [Boleslav the Brave and Slovakia], in *Medea — Studia mediaevalia et antiqua*. 2001. P. 16–30 (in Slovak).

Verešová, Nora. Vývoj chápania geografického termínu Sklavínia v historických prameňoch 6.–14. storočia [Evolution of the notion of the geographical term Sclavinia in the 6th to 14th century sources], in *Historický zborník*. Martin: Matica slovenská Publ., 2008. No. 1. P. 124–143 (in Slovak).

Verešová, Nora. Povest' vremennykh let a jej koncepcia Slovienskoj zemli [The Tale of Bygone Years and its concept of the slavic land], in *Historia Nova. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika* [Studies on the occasion of the anniversary of Pavol Jozef Šafárik]. Bratislava, 2011. P. 12–20 (in Slovak).